

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

S-T-I-K-S

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ УЛЕЙ

S-T-I-K-S

ЧЕЛОВЕК С КОТОМ

S-T-I-K-S

ЦВЕТ ЕЁ ГЛАЗ

S-T-I-K-S

ТЕРРИТОРИЯ ВЕЗУЧИХ

S-T-I-K-S

ШЕСТЬ ДНЕЙ СВОБОДЫ

Артем КАМЕНИСТЫЙ
Аля ХОЛОДОВА

S-T-I-K-S

**ШЕСТЬ ДНЕЙ
СВОБОДЫ**

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

В оформлении переплета
использована работа художника
И. Хивренко

Каменистый, Артем.

К18 S-T-I-K-S. Шесть дней свободы : [фантастический роман] / Артем Каменистый, Аля Холодова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Новый фантастический боевик. Миры Артема Каменистого).

ISBN 978-5-699-99473-1

Мир Стикса — чудовищный пазл из осколков иных миров, попадающих сюда со всеми своими обитателями. Часть новоприбывших сохраняет прежнюю сущность, остальные превращаются в кровожадных монстров. Глава Азовского Союза — Герцог, чтобы остановить нашествие Черного Братства, взрывает атомную бомбу на собственной территории. В страшной неразберихе войны очаровательные воспитанницы Цветника, чья судьба стать безвольными наложницами сильных мира сего, бегут на север в поисках свободы и лучшей жизни. Впереди шесть дней невероятных приключений и схваток. И мрачное проклятие ненависти Герцога, нависающей над ними...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99473-1

© Каменистый А., Холодова А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

Глава 1

Брошенный стаб

Бегаю я хорошо, и это подтверждается высокими отметками, но мне их ставили с оглядкой на то, что данная дисциплина не состоит в списке приоритетных. У меня в ней две главные соперницы — Миа и Рианна. Я легко обставаю первую и вторую на дистанции до четырехсот метров, а вот дальше начинаются проблемы.

Миа обычно догоняет меня на отметке от семисот до тысячи двести, а Рианна оставляет позади нас обеих максимум через два с половиной километра. Я быстрая лишь поначалу, потом скорость значительно падает. Бороться с этим можно лишь при помощи стимуляторов или спека, что, естественно, в Цветнике недопустимо.

Таким образом, в своей группе я неоспоримая фаворитка спринта и середнячка кроссов. Но дисциплина мало важная, великих свершений в ней от воспитанниц не ждут, отсюда сплошной позитив в оценках.

Похоже, я не все о себе знала. Ну, или события последних дней заметно отразились на моих физических данных. Возможно, имеет место скачкообразный прирост выносливости — такое иногда случается с теми, кто провел в Улье много времени.

Я провела много — целую жизнь. Неполные семнадцать — смехотворная цифра для внешних миров и очень серьезная там, где хотя бы год протянуть — немалое достижение. Воспитательница Лаура однажды, рассердив-

шись, назвала меня вредной старушкой, и должна признать — что-то в ее словах есть.

Минуты уходили за минутой, а я так и продолжала бежать, не снижая скорости и не оборачиваясь. Где-то позади во тьме остался озерный берег с песчаным холмиком над пакетом с окровавленной одеждой — моей могилой. И где-то там мне вслед смотрят два западника, причем один из них — чудовище и убийца.

Мой убийца.

Мысли все еще путаются, о некоторых вещах вообще не хочется думать, но точно знаю одно — нужно оказаться как можно дальше от жуткого места и страшных людей.

Ноги со мной полностью согласны, похоже, они готовы работать без усталости целую ночь. Даже ослепительная вспышка далеко справа не заставила их сбиться с напряженного ритма. На миг стало светло, как ясным днем, и я отчетливо разглядела линию дороги, вдоль которой мчалась. Дальше она взбиралась на подъем, где поджимающие ее лесополосы сходили на нет. И там, километрах в двух или около того, громоздятся непонятные угловатые кучи. Что это такое, понять не успела — ярчайший свет угас так же стремительно, как разгорелся.

Даже мои измученные мозги легко догадались о сути произошедшего. Мстительные западники не забыли, как их почти беззащитное посольство, отправленное под гарантии безопасности, данные Азовским Союзом, было коварно уничтожено. Они меня не обманули, у них и правда есть легендарное оружие нолдов. С его помощью люди генерала Дзена только что поразили важнейшую азовскую крепость.

Это все усложняет, но одновременно дарит надежду, что я сумею сдержать обещание, которое пришлось дать чудовищу.

Мне надо вернуться в ненавистное место и вытащить оттуда девочку, которую я знать не знаю (и даже не уве-

рена, что она вообще существует, в этом поручении западников может скрываться подвох, они те еще мастера скрывать свои истинные намерения). Учитывая то, что это место хорошо охраняется, меня задержат на первом же посту в стабе (если не раньше), после чего придется попрощаться со свободой. Для начала из Цветника сообщат господину Дзену, что его избраница обнаружена там, где ей не следует находиться. Если он заявит, что отказался от меня, вариантов два: или меня вернут к орхидеям и замнут историю (что крайне маловероятно), или отдадут какому-нибудь господину без лишней шумихи. В Азовском Союзе все женщины из непривилегированных категорий считаются в разной степени ценным имуществом и не имеют права распоряжаться собою.

Попасть в привилегированную мне не светит: у меня нет образования и навыков, полученных во внешних мирах и ценящихся здесь; высокопоставленного любовника тоже нет; и нет общественно полезных умений, подаренных Ульем.

После вспышки миновало не меньше четверти минуты, прежде чем донесся грохот взрыва. Это было не просто громко, это оглушило, заставило покачнуться и невольно обернуться в сторону Пентагона. Там, вдали, происходило что-то невероятно ужасающее. Это напомнило просмотренную года четыре назад образовательную передачу, где показывали красочно нарисованный сюжет с подводным извержением вулкана. Все отличие от этого зрелища — вместо моря ночной мрак, обступающий пылающую кроваво-красным бесформенную грудку, из которой то и дело взмывают исполинские языки пламени, а навстречу к ним из зловеще отсвечивающих небес десятками устремляются ярчайшие разряды молний.

Я не знаю, на каких физических принципах работает оружие, которое смогли заполучить западники, но в одном сомнений нет — если в Пентагоне каким-то чудом

остались живые люди, они сейчас будут заниматься чем угодно, но только не защитой крепости и подступов к ней.

И если западники не обманули, прямо сейчас через брешь, прожженную оружием нолдов в оборонительных рубежах Центрального и лежащих за ним основных ставбов, заходят банды мурав. Вот-вот начнется охота на иммунных, нормальный человек постарается держаться как можно дальше от эпицентра подобных событий.

Но я, борясь с то и дело накатывающим головокружением, продолжала бежать именно туда.

Ну да, я ведь ненормальная — не успела прийти в себя от одной смерти, как тут же направилась навстречу новым неприятностям.

* * *

Впереди, где-то на самой верхней точке пологого подъема, по которому тянулась дорога, что-то сверкнуло, после чего до ушей донесся грохот. Я, конечно, не Дания, которая по звуку может определить, какое оружие его произвело, но мне показалось, что это именно выстрел, а не взрыв. Хоть чуть-чуть, но наслушаться успела.

Негативный опыт почему-то усваивается быстро.

Произошедшее на миг отвлекло, на этот раз чуть-чуть сбилась с неспешного ритма (мчаться на хорошей скорости в гору не получалось). Но на кластерах расслабляться нельзя, Улей тут же наказал меня за беспечность — я больно врезалась ногой во что-то твердое и массивное, чего не должно быть на ленивом степном подъеме.

Инстинктивно отскочила, вскидывая пистолет, чтобы встретить во всеоружии неведомую угрозу, которая скрывается во мраке. Но ничего подозрительного не услышала и не разглядела, только снизу во тьме просматривалось что-то непонятное. Камень? Ну ничего себе камень! Да это же целая скала, откуда она взялась на равнинном класте-

ре?! Ладно бы, дело происходило в овраге или речной долине, но вот так, посреди обширного ровного места, такого просто не может быть.

Прибегла к простому и зачастую эффективному способу улучшить обзор. Всего-навсего присела и на фоне пусть и ночных, но все же чуточку светлеющих небес разглядела препятствие. Слишком ровные очертания и слишком правильные углы. А вон, вдаль, просматривается что-то еще, оно куда больших размеров и с такими же неестественными очертаниями. И запах гари, примешивающийся к коктейлю из ароматов цветущих степных трав, не заметить невозможно.

К сожалению, не только гари — здесь пованивает мертвечиной.

Смрад разложения — это всегда опасно. В Улье хватает любителей падали, причем все они не пренебрегают и свежим мясом, дай только возможность им поживиться. Я здесь одна, вооружена всего лишь пистолетом и гранатой, мои непростые глаза во мраке видят почти так же, как обычные, то есть — отвратительно. Поэтому вся надежда на слух и на разум.

А еще на память.

Я, по-моему, уже видела этот стройный ряд пирамидальных тополей, который начинается чуть дальше по другую сторону дороги. Лесополос здесь нет на широком участке, лишь это место вечно зеленеет от перезагрузки к перезагрузке. Но при последнем обновлении появился кластер с заметными изменениями — высокие деревья стали плохо выглядеть: некоторые засохли от комля до макушки, с их стволов частично или почти полностью осыпалась кора; на других листва сохранилась лишь в небольших количествах (обычно на нескольких ветвях в самом низу).

На фоне светлеющих небес характерные заостренные верхушки трудно спутать с чем-нибудь другим, и то, что они высохшие, — тоже не скрыть. Получается, по этой до-

роге мы регулярно ездили в карьер, пострелять по мертвякам, а я люблю поглядывать в смотровые щели и давно уже запомнила, что и где здесь располагается. Другой похожей группы деревьев не припомню, плюс располагается она на подъеме — это хороший ориентир на преимущественно плоской местности.

Смрад гари и разложения — пусть и неприятный, но ориентир. Получается, это то самое место, где я первый раз попыталась сбежать от западников. Момент был очень даже подходящим — на их слабо оснащенное посольство напали муры, расстреливая, будто в тире, из хорошо вооруженных боевых машин, метко поражающих цели ракетами и снарядами за километры. Из пылающей техники выскакивали люди, пытались организовать оборону у линии тех самых тополей, стреляя в темноту степи из гранатометов и получая в ответ лавину сметающего храбрецов огня. Ну а я, не горя желанием принимать участие в чужом для меня бою, удачно выбралась из обшитого сталью карьерного самосвала и начала тихонечко пробираться по кювету за дорогой. Подданные господина Дзена предпочли умереть, сражаясь, как это принято у западников, отчаянно-безрассудно, насколько мне известно, за единственным исключением никто не последовал моим путем.

До сих пор не понимаю, почему полковнику никто и слова плохого не сказал. Он ведь, получается, бросил своих людей, сбежал, оставив в тяжелый момент. Его поведение позорно даже по меркам Азовского Союза, где порядки куда либеральнее.

Да уж, в том, что касается странностей, западникам нет равных.

Сгоревшая техника в Улье никому не нужна, ведь здесь нет металлургического производства. В редких случаях забирают ржавые корпуса бронированных машин, чтобы вдохнуть в них вторую жизнь: убрать поврежденное оборудование, вычистить, покрасить, поставить новые двигате-

ли и прочие необходимые агрегаты. Нужно признать, что новая жизнь получается несладкой, некогда грозные многотонные монстры обычно выглядят жалко и не дотягивают до прежней эффективности. По слухам, где-то далеко на юге, в одном из крупных союзов, сумели организовать полноценное ремонтное производство, с привлечением ксеров и редких специалистов, работающих на собранном отовсюду оборудовании, но здесь до такого еще не дошло.

У западников практически нет хорошей техники, а уж той, которую стоит попытаться восстановить после многочисленных попаданий и пожаров, — подавно нет. Дорожная служба Азовского Союза расчистила асфальт, попросту сбросив обгоревшее железо в кювет, по которому я не так давно улизнула из эпицентра бойни. При этом никто не озаботился вытащить из искореженных машин останки погибших или их вытащили не все. Вообще-то, в Улье принято по возможности не бросать тела даже незнакомых людей: их закапывают, топят, сжигают, сбрасывают в подвалы или просто закрывают в домах. Это разумно, ведь легкодоступную пищу рано или поздно отыщут зараженные, а сытная еда их усиливает. Но сильно похоронами не озадачиваются — смысла почти нет.

Как ты ни старайся, но и крошки от каравая не оторвешь, уж слишком много пищи попадает к нам при нескончаемых перезагрузках.

Здесь, судя по запаху, тоже не озадачились. Обостренное обоняние зараженных позволяет им улавливать заманчивые запахи с большого расстояния, и не надо думать, что здесь благодаря регулярным зачисткам тварей нет. Еще как есть, в том числе встречаются опасные. Но есть одна особенность, их основной контингент — падальщики периметра. Это мертвяки, у которых хватило интеллекта на осознание простой истины — ломиться через кишасщие солдатами укрепления не стоит, но и далеко от них уходить нерационально. В таких местах от голода не умрешь,

потому что всегда есть возможность полакомиться останками более глупых сородичей. Не самая привлекательная для монстров диета, но многих устраивает. Если не наглеть, люди не станут переводить патроны, некоторым из здешних уродцев они даже прозвища дают, доходит до того, что иногда подкармливают, ценя за то, что те оперативно подчищают источники потенциального зловония.

Прижившиеся у периметра зараженные приобретают нетипичные для их собратьев привычки. Они не спешат со всех ног навстречу людям с плотоядным урчанием, обычно стараются вообще им на глаза не попадаться и потому ведут преимущественно ночной образ жизни. Из-за этого, а может быть, из-за специфичности рациона, эти твари со временем слабеют, худеют до состояния скелетов, обтянутых кожей, а сама кожа у них нездорово светлеет. Солдат они ловко избегают, но вот одиночку, не похожего на военнослужащего, могут счесть подходящей добычей.

Я не похожа на военнослужащую — у меня ни формы со знаками различия нет, ни амуниции, ни серьезного вооружения. К тому же в армию Азовского Союза не берут тех, чей рост меньше одного метра семидесяти сантиметров, одно это может подсказать падальщикам, что меня можно рассматривать как лакомую пищу, а не источник угрозы.

Как бы в унисон моим мыслям, по другую сторону дороги что-то звякнуло, после чего одновременно заурчали сразу в две глотки. Не знаю точно — зараженные меня заметили или просто возбудились из-за неожиданного звука, но, не задумываясь, вытащила пистолет, щелкнула предохранителем, как можно злее выкрикнула:

— А ну стоять!

Во тьме на другой стороне дороги что-то промелькнуло, слышались торопливые, быстро затихающие шаги. Трусоватые падальщики не стали разбираться — угроза я или лакомство, им хватило характерного оружейного звука и отданной приказным голосом короткой команды.

Пусть они и поумнее «диких» сородичей, но все равно тупые.

А теперь нужно быстрее миновать опасное место — мертвяки запросто могут вернуться так же быстро, как смылись.

* * *

Есть такое психическое явление — дежавю. Это когда человеку кажется, что он уже когда-то переживал нечто подобное, с ним такое происходит не впервые.

Точь-в-точь, как мои нынешние впечатления.

Я ведь это уже однажды видела, причем недавно. Как было и в прошлый раз, на подходе к посту начала удаляться от обочины, чтобы обойти по степи пушку, которая время от времени изрыгала клубы пламени. Ее поставили прямо на дороге, я опасалась, что солдаты могут принять меня за врага и начнут стрелять, не разбираясь.

Представьте мое удивление — пушки на дороге не было. То, что я за нее принимала, оказалось танком, точно как в прошлый раз. Возможно — тот самый, из-за которого колонна западников тогда задержалась на периметре. Такое впечатление, что он здесь стреляет все эти дни, без перерыва и не съезжая с места.

Все это так сильно напомнило уже увиденное, что я не удержалась, обернулась и почувствовала облегчение, не разглядев пылающей во тьме линии уничтожаемой колонны. В противном случае пришлось бы поверить в путешествие во времени.

Танк обошла стороной, при этом каждый шаг давался с замиранием сердца — очень боялась наступить на мину. Знаю, что их экономят и потому в основном ставят среди проволочных и бетонных заграждений, куда не добираются рядовые зараженные, но с моим печальным везением ничего хорошего ждать не приходится.

Пост, прикрывавший дорогу, скрывался в непроглядной тьме, но, приблизившись, я заметила, что на фоне стен и баррикад замечались какие-то непонятные огоньки, там кто-то есть и, скорее всего, оттуда видят, как по дороге приближается подозрительная одинокая фигура, одетая во все черное. Кроссовки, правда, белые — выбиваются из образа вражеского лазутчика. Рядом гремит бой, солдат это нервирует, может случиться всякое, а мне лишние неприятности не нужны.

Спрятала пистолет за пояс, за него же отправила гранату, подвесив ее за рычаг, чуть приподняла руки и прокричала:

— Гвардейцы, не стреляйте! Цветник, первая группа, я орхидея номер восемь двадцать шесть, код помощи сто двадцать один!

— Элли?! — удивленно ответили из мрака.

— Капитан Лоскут?! Да, это я! Элли!

Удачно получилось, этот офицер один из самых приятных и общительных, с ним вряд ли возникнут проблемы. Жаль, что у него такое низкое звание, будь он командиром высокого ранга, мог бы заслужить право на орхидею. Не уверена, что при таком супруге получишь море неземного счастья, зато покоя точно хватит, если не сильно вслушиваться в его вечную болтовню.

Мне покоя очень не хватает.

— Элли, что ты здесь делаешь?! Ты одна?! — продолжал сыпать вопросами Лоскут.

— Да, я одна. На нас опять напали мурь, мне приказали бежать сюда, здесь безопасно.

— Мурь? На кого напали? Где? Кто приказал?

— Мы ехали сюда, к вам, конфедераты выслали подкрепление, как договорились. — Я врала напропалую, будучи уверенной, что капитан Лоскут слишком малозначительный офицер и в подробности союзнических обязательств западников не посвящен. — Я не знаю точно, где это,

несколько километров дальше по дороге. Мне приказал уходить к вашему посту мой избранник — господин Дзен, а сам остался со своими людьми.

При этих словах грохнуло где-то опасно близко, обернувшись, я при свете вспышки очередного выстрела разглядела расплзающееся облачко дыма — возле продолжавшего сражаться танка упал снаряд. Должно быть, черные братья заметили боевую машину, и я бы на месте экипажа бежала со всех ног, потому что прекрасно знаю, как легко поражается неподвижная мишень.

А еще успела заметить кое-что интересное — светящуюся красным полусферу в том месте, где спустя секунду вспыхнул еще один взрыв. Такое я не видела с того самого дня, когда на колонну западников напало Братство.

Неужели опять проявились новые умения? Неудивительно, если припомнить все те встряски, которые пришлось пережить в последнее время. Да и само место располагает к их пробуждению, ведь неподалеку от него они проявились первый раз.

Хотя это, конечно, ничего не значит — вряд ли Улей вручает подарки с привязкой к местности.

— Элли, тебе надо срочно уезжать, — решительно произнес капитан Лоскут, выступая навстречу. — Повезло, что ты добралась сюда, их пикапы заметили в километре отсюда. Мы их отогнали, но муры где-то рядом, достают из минометов, судя по всему, у нас серьезный прорыв, и это был только авангард.

— И как же я уеду? Вам, кстати, тоже нужно уезжать, вы не удержитесь здесь, вас слишком мало.

— Да, мы знаем, — помрачнев, согласился гвардеец. — С Пентагоном непонятно, похоже на что-то ядерное. Прогонел электромагнитный импульс, мы остались без рации, телефонные провода, наверное, перерезали, у нас почти не осталось машин на ходу, инжекторам хана, а такое быстро не починишь. И ты права, людей всего ничего, не потянем,